

Елена АРСЕНЬЕВА

ГОЛУБОЙ КЕДР

Елена Арсеньевна Арсеньева

Голубой кедр

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41277780

Голубой кедр:

Аннотация

Человек просыпается от звонка в дверь и открывает ее без всякой опаски, даже не подозревая, что попадает во власть тех сил и стихий, к которым всегда относился скептически, что отныне прежняя жизнь его будет перечеркнута, ибо какие-то там домовые, русские и нанайские, назначили его Мэргеном – богатырем и победителем Зла.

Делать нечего – приходится сражаться не на жизнь, а на смерть!

Елена Арсеньева

Голубой кедр

Лебедев проснулся – ему послышался звонок. В дверь ли, телефонный ли – не понял. Полежал немного, прислушиваясь, – тишина. Может быть, вернулась мать? Но у нее есть ключ, к тому же, самолет из Свердловска прилетает днем, да и вообще, она собиралась погостить у сестры еще неделю.

Звонков больше не было. Ох уж эти ночные призраки, всегда вскидываешься всполошенно, сердце бросается вскачь со смутным ожиданием чего?.. Ну, у каждого свое несбывшееся.

Было тихо. За окнами стояла глубокая чернота – наверное, еще глухая ночь. Николай закрыл глаза, но сон, оказывается, исчез, а на смену ему пришли мысли о новом материале, который Лебедев взялся писать. В редакцию газеты, где он работал, обратился преподаватель местного университета. В краевой научной библиотеке, рассказал он, есть редкие книги, изданные в прошлом веке и более не выпускавшиеся, однако получить такую книгу даже для работы в читальном зале невозможно. Когда Лебедев позвонил директору библиотеки, открылась довольно грустная картина. Старые, уникальные издания в библиотеке действительно были – и действительно, доступа к ним не было никому, даже самим библиотекарям, потому что книги те не стояли в порядке на

стеллажах, а лежали связанными в неподъемные и неразборные пачки: места для хранения их просто не было, новые поступления «выживали» старые издания. Лебедев, естественно, удивился и отправился в библиотеку «на экскурсию». Оказалось, что «гордость края», «хранилище богатств человеческой мудрости», «кладезь знаний» и проч. находилась в отчаянном состоянии, которое тем не менее, очень мало волновало «отцов города». Посмотрев по генеральному каталогу, какие богатства лежат мертвым, недоступным грузом в подвалах, Лебедев почувствовал, что у него губы пересохли от возмущения. Он вспомнил разговоры о критическом положении библиотеки Географического общества, хранилищ краеведческого музея... Картина складывалась типичная – а оттого еще более драматическая.

Он схватился за этот материал с особенным увлечением, и вот сейчас вся фактура была собрана, оставалось только сесть и написать.

Лебедев представил, как четко сформулированная мысль, воплотившись в горькое, взволнованное, порою язвительное – и этим особенно убедительное слово, ляжет на бумагу, – и у него стало тепло на сердце. Давно он такого не испытывал. Захотелось начать работать немедленно, и он встал. Тепло оделся, и в свитере, джинсах, шерстяных носках (отопительный сезон еще не начался, а похолодало резко, из не заклеенных окон несло сквозняком), пошел на кухню. Пил кофе, наслаждаясь его ароматом, потом услышал, что за две-

рью кто-то возится. Вот это да... Значит, все-таки был звонок?

– Кто там? – спросил Лебедев.

Сопело, урчало, царапалось.

– Кошка, что ли?

Хрипло мяукнуло.

Николай принес из холодильника кружок колбасы и открыл дверь. Серая толстая кошка проскочила в коридор квартиры так стремительно, словно за ней гналась стая собак. Ну надо же!.. Лебедев взял в ванной швабру и, сердито жуя колбасу, пошел выгонять непрошенную гостью.

Полазив за шкафами и диванами, потыкав шваброй во все углы, он наконец догадался, что кошка успела прошмыгнуть на кухню. Вошел туда – и чуть не ахнул: на табурете у стола сидел старик, Лебедев оглянулся – дверь на площадку все еще была отворена. «Значит, вошел, пока я гонялся за кошкой, – объяснил себе Лебедев неожиданное явление, – а она тем временем убежала».

– Потерял чего, мил-человек? – уютно усмехаясь, спросил старик.

Он был весь какой-то серый, точнее, сивый, будто бы покрытый пылью, в замусоленной рубашке в мелкий горошек. Белая борода его росла очень странно, словно бы по всему лицу. Старик протянул волосатые ладони к газовой горелке, будто к костру.

– Гораздо озяб на дворе! – пояснил он.

– Здравствуйте, – наконец вымолвил Николай. – Вы... кто?

– А суседка я, – пояснил гость. – Дедушка-суседушка.

– Вон что! – облегченно сказал Лебедев. – Вы извините, я в бегах, в разъездах, дома мало бываю, да и тут все хлопоты... А вы с какого этажа? Из какой квартиры?

– Я суседка-то не твой милочек. Не твой... – Глаза старика смотрели из белесых зарослей на лице оценивающе: – Это ты, значит, Мэрген? По виду и не скажешь. Хлипкок вроде. Или потайное оружие скрываешь?

Мэрген – это что-то знакомое, подумал Лебедев. Кажется, сказка есть нанайская: «Мэрген и его друзья». Или что-то в этом роде. Но при чем тут он?

В кухне вкусно пахло сеном. Николай невольно глянул в окно: форточка закрыта, да и осень, какое сено?

– Мэрген? Что вы имеете в виду?

– Вот и я говорю, слабоват. Однако дзё комо не должен был ошибиться...

«Фольклор!» – подумал Лебедев устало. Снова захотелось спать.

– Может, чайку? – предложил он зевнув, мечтая только об одном: чтобы волосатый гость ушел, как пришел.

– Какой тут чаек? – Старик поднялся, вмиг оказался рядом и своей мохнатой беловолосой рукой, напоминавшей скорее лапу какого-то зверька, вдруг мягко прикрыл лицо Лебедеву. – Не до чайку! – услышал еще Николай и задох-

нулся от резкого запаха сена.

Его разбудила песня. Сильный женский голос протяжно вел: «Ан-н-га!.. Ун-н-нга!..», то резко падая к низким, почти хриплым нотам, то снова взмывая, словно стремясь достичь небесной высоты.

Лебедев открыл глаза. Он лежал на низкой деревянной лавке, застеленной поверх грубо выделанной волчьей шкуры, кое-где вытертой до пролысин, еще и пестрым лоскутным, тощеньким одеяльцем. Сел, тупо разглядывая бревенчатые стены с аккуратно проконопаченными пазами, невысокий потолок, небольшое окошечко, – и, словно вырываясь из непонятого, пугающего сна, выбежал, сильно толкнув тяжелую, разбухшую дверь, на крыльцо.

Его взгляд разом охватил и призрачную синеву дальних сопок, и многоцветную осеннюю тайгу, и острую чистоту воды в узкой, но бурливой речке, которая скакала по камням... И еще он увидел женщину.

Женщина была совсем рядом, на другом берегу, Николай ясно видел ее лицо. Озноб охватил его.

Смуглое, круглое, суживающееся к подбородку, с маленьким насмешливым ртом и тонким носиком, оно было бы просто очень хорошеньким, если бы не властный размах густых бровей к вискам, не надменный взгляд узких глаз, затененных столь густыми ресницами, что казались непроглядно-черными, и это делало взор сумрачным, а милому лицу придавало выражение почти вызывающее от сознания соб-

ственной красоты. И вот что странно: черты этого удивительного лица показались знакомыми Лебедеву. Он вдруг вспомнил давно виденную в книге известного археолога фотографию: керамическая статуэтка периода неолита, найденная при раскопках неподалеку от одного из приамурских сел: не то поразительно прекрасная смертная женщина, не то богиня древнего народа... Но представшая пред ним сейчас красота была живой, она струилась и переливалась, как вода в горной речке, отсветы которой играли на складках одеяния женщины, перламутрового, как рыба чешуя, отделанная ракушками. В этой женщине было нечто, лишавшее рассудка и осторожности. Прыжком спуститься к речке, перебежать по ее камням, приблизиться, взглянуть в непроницаемую тьму глаз... Однако едва лицо приблизилось, как Лебедев, после мгновенного помрачения, вновь увидел себя на крыльце домика, уткнувшись в пахнущую сырой древесиной дверь.

Оглянулся – поздно: женщина уже медленно поднималась по сопке, словно бы таяла, растворяясь в сумраке тайги.

Короткий хриловатый смешок заставил Николая повернуть голову.

Прямо на траве, уже тронутой первыми заморозками, сидели, прислонясь к стене избышки, два старика. Один – худощавый, круглолицый, с редкими седыми волосами, собранными в косицу, со множеством резких морщин на смуглом, будто прокопченном лице с тяжелыми веками, почти закрывающими узкие глаза, – был одет в засаленный халат мутно-

го, неразличимого цвета с черным орнаментом на подоле, в мягкие торбаса. Он то подносил к щелке сухого старческого рта тонкую трубку, то отводил ее в сторону, меланхолически выпуская струйки серого, словно бы тоже старого, седого дыма.

– Зачем дверь обнимаешь, а? – спросил он со всей серьезностью протяжным, скрипучим голосом. – Бабу обнимай лучше, зачем дверь? Елка холодная, сырая деревяшка. Ай-я-яй! Баба лучше!

Другой старик мелко перетряхивался от смеха. Лебедев с изумлением узнал своего недавнего гостя: старичка, пахнущего сеном. И только тут до Николая начала доходить ситуация. Он вспомнил непонятное проникновение старика в дом, его странные речи, мохнатую ладонь, прижатую к своему лицу, усыпляющий запах сена, пробуждение бог знает где...

– Чудится мне, что ли? – пробормотал Лебедев.

– Прежде больше чудилось! – живо отозвался его знакомец. – Народ был православный, вот сатана-то и смущал.

– Сатана?!

– Ну, сила нечистая. Мы-то вот кто? Нечисть, нежить – одно слово!

– Вы?! – невежливо ткнул пальцем в «своего» старика Николай.

– Агаюшки, ага, – закивал тот. – Я и вот он, дзё комо. Слышка, дзё комо, – обратился он к узкоглазому старичку, –

твой Мэрген ничегошеньки не понимает, а?

– Не понимает, однако, – согласился тот уныло.

– Ты, внучоночек, присядь покудова, – ласково пригласил первый старичок. – Мы с тобой никак промашку дали.

– Да в чем все-таки дело?! – потребовал объяснений Лебедев.

– Дело – оно простое. Деревенька, вишь ты, была тут в старину. – Он повел вокруг мохнатой лапкой, и Николай увидел, что и впрямь изба, на крылечке которой он сидел, была крайней в порядке покосившихся, почерневших, давно заброшенных домов и заросших жухлой травой огородов. Деревеньку Завитинкой звали, а речку – Завитой. Прежде шире была, бурливей, а теперь – шагом перешагнешь, иссохла – с тоски, может? Жили, да... Помню, было время – чужаки желтоликие приходили, а то бандиты-разбойнички, так мужики за берданы брались, бабы – за вилы. И снова жили! Скотина велась. Лошадушки... Зверя били, шишковали, ягоду брали, грибы. А рыбы-то! Крепко, хорошо обжились. А потом парни да девки из родительских домов в другие края подались. В камнях нынче живут, родительских свычаев и обычаев не чтят. Старики – кто к детям, кто помер. Обветшали избешки, развалились. И никто доможила не кличет уж: «Дедушка домовой, выходи домой!» Брожу я ночами по домам опустелым, филинов да нетопырей пугаю криком-стоном... – И он залился мелким старческим плачем, утираясь то беловолосыми ладошками, то рукавом заношен-

ной рубахи.

Лебедев облокотился спиной о прохладную дверь и заду-
мался. Призвать на помощь здравый смысл мешало только
одно: ведь каким-то же образом он здесь оказался! Не под
гипнозом же доставили. Раньше, читая о всяких таких дико-
винных историях, он допускал их возможность с кем угодно,
только не с собой. И сейчас в сознании прошла медленная
мысль: «Не может быть...» А что делать, если быть не может,
но продолжает быть? Крестное знамение сотворить? Он не
умел.

– Ну, а я вам зачем понадобился? И почему вы называли
меня Мэргеном?

Заговорил тот, другой, по прозвищу дзё комо:

– Тут недалеко еще стойбище было. Тайга большая, всем
места много. Дедушка тигр живет, медведь живет – он как
человек все равно, косуля живет, лесные люди – тоже. Люча,
русские, пришли, и они жить стали. Тайга большая! Хорошо
было... Ой, ой, ой, давно это было. Дзё комо в каждой юрте
жил, в среднем столбе...

– Дзё комо – тоже домовый? – деловито перебил Лебедев,
которого начал увлекать этот поток этнографических откры-
тий.

– Дзё комо – душа дома, душа счастья. Комо большой –
значит, хозяин его богатый, комо маленький – хозяин бед-
ный. – Поймав оценивающий взгляд Лебедева, он кивнул: –
Мой хозяин не шибко себе богатый человек был, однако ни-

чего, хорошо жили. Ой, ой, ой, давно это было! – Голос его вздрагивал. – Молодые ушли. Заветы предков забыли. В каменных стойбищах, как и люча, жить стали. Тайга им чужая. Раньше как бывало? Человек в тайге живет – человек тайгу бережет. Теперь человек в тайге не живет – из тайги только забирает. Злой человек стал. Как россомаха все равно!

Вдруг он насторожился. Домовой тоже поднял голову, перестал всхлипывать. Старички поднялись, поддерживая друг друга. Дзё комо торопливо проговорил:

– Я камлал, в большой бубен бил, у костра плясал, как шаман все равно. Духи сказали: в каменном стойбище русский Мэрген-богатырь живет, он поможет. Душа у него чистая. Он увидит и поверит... Он сохранит дерево Омиа-мони от...

– Дзё комо, батюшка ты мой! – перебил его домовый голосом, похожим на испуганный птичий крик. – Едет! Уже близко!

– Мэрген!.. – простер было к Николаю руки дзё комо, но домовый дернул его за полу. Старички перескочили через речку и скрылись в тайге, оставив Лебедева еще более ошарашенным, чем прежде.

* * *

– Эй! – крикнул Николай. – Вы что? Вы куда? А я?! – И замолчал, услышав рокот автомобильного мотора, до такой степени чуждый звонкой тишине тайги, что Николай сразу и

не сообразил, что это означает: привычное прошлое возвращалось к нему!

И вот, ныряя и проваливаясь на колдобинах давно заброшенной проселочной дороги, из-за ближнего домика вывернулась грязно-белая, выдавшая виды «Нива» с включенными обоими мостами и оттого неуклюжая с виду. Лебедеву показалось, что машина отпрыгнула как бы в изумлении, «увидев» его.

Мотор затих, но из кабины никто не выходил. Лебедев сделал несколько шагов и остановился, чувствуя себя неуютно перед этой словно бы насторожившейся, пахнувшей усталой гарью механической зверюгой.

– Эй! – нерешительно позвал он.

Дверца распахнулась, и на траву ловко выскочил человек. Он стоял под прикрытием автомобиля, одной рукой придерживаясь за дверцу, другую уперев в бедро, и Лебедеву почему-то показалось, что сейчас он ковбойским, рассчитанным движением сорвет с ремня револьвер, но человек, присмотревшись к нему, вдруг свистнул:

– Привет, Николаша! Ты что, в егеря подался?

И тут Лебедев узнал в приезде, одетом со щегольской небрежностью, в ладно подогнанном обмундировании, равно пригодном и для охоты, и для рыбалки, и для долгих переходов по сопкам, Игоря Малахова, кинооператора со студии телевидения. Это был знакомый, живой, обыкновенный человек, не загадка тайги, не плод суеверий, не галлюцина-

ция, и надо ли объяснять, как обрадовался ему Лебедев!

– Конкурирующая фирма? – усмехнулся Игорь. – Чего молчишь?

Первым побуждением правдивого Лебедева было рассказать все как есть, однако что-то удержало его – вероятнее всего, стыд показаться смешным, – и он брякнул первое, что пришло в голову:

– Приехали на охоту... я отошел... ну и заблудился.

– На охоту? Ты? Ты же стрелять не умеешь, я знаю.

– То есть это... за шишками... – запинаясь Лебедев.

– В домашних тапочках? – прищурился Игорь. – Ладно, не хочешь говорить – шут с тобой. – И он пошел было к избушке, где недавно проснулся Николай, но остановился, рассматривая что-то на земле. Поднял и насмешливо поглядел на Лебедева: – Эй, конспиратор! Так бы сразу и говорил! – И сунул на ладони чуть не к самому лицу Лебедева затейливое украшение – подвеску из мелких перламутровых раковин. – Хорошенькая игрушечка! Поссорились?

Лебедев молчал, неловко стиснув пальцами украшение, которое он совсем недавно видел на груди той женщины. От того, что реальность снова оказалась расколотой призрачностью, он испытал приступ головокружения. Игорь же, посмеиваясь, выгрузил из машины огромный рюкзак, ружье, понес все это в дом, приговаривая:

– Знаем мы эти шишки! Шишкарь нашелся! Шишка твоя, выходит, с норовом? По газам – и домой, а ты тут кукуй или

топай на своих двоих сутки, а то и двое до шоссе? Ого! За что она тебя так? Приревновала? Или не угодил?

Лебедев счел за благо сконфуженно отмолчаться, идя вслед за Игорем. Однако у крыльца он задержался, спрятал в карман подальше ракушечную подвеску и вошел в избу.

Игорь сидел на лавке и насмешливо смотрел на него.

– Коляшечка, давай сразу договоримся, – доверительно предложил он. Не надо делать из меня дурачка, ладно? Ну ведь не было здесь бабы, это ясно. В избе, посмотри, все пылью заросло с тех пор, как я в прошлом году... Хм... ну ладно. Твои следы как на снегу, больше ничьих. Следов машины-то я ведь тоже не видел по пути. Откуда эта подвеска – не знаю, не говоришь – твое дело. Однако не наденет женщина такое, если едет в тайгу. И вообще – какая психопатка могла бы тебя тут бросить в домашних тапочках, без вещей? Короче – зачем ты здесь? Откуда?

– А ты зачем? – зло спросил Лебедев. Злился он, прежде всего, на себя: оказался в глупом положении и вынужден будет сейчас эту глупость обнародовать. А придется. Он зависит от Игоря. Возьмет и укатит – что тогда? На домового надеяться?

– Предположим, я на охоту приехал, – спокойно ответил Игорь. Разрешение есть, сезон уже открыт, знаешь?

Лебедев покачал головой.

– Ну, где тебе! Ты же у нас гуманоид. А меня на все хватает, в том числе и на охоту. Кстати, будь благонадежен, скорее

я бабу завезу в глушь и там оставлю, чем она меня, будь это хоть... Алла Пугачева. Понял, Коля?

Лебедев вздохнул. Приходилось говорить что есть.

– Ты в нечистую силу веришь, Супермен Васильевич?

– Ты о чем?

– О духах и домовых, – пояснил Лебедев.

– Спятил? Конечно, не верю!

– Может быть. И я так думал. До сегодняшней ночи. И вот именно сегодня ночью у меня в квартире возник домовый и притащил сюда.

– Да ты что? Ну и?..

– Ну и... я здесь проснулся, – Лебедев кивнул на лавку. –

Вышел на улицу – домовый ждал меня у крыльца, там был с ним и... – Он не мог рассказать про женщину. – Еще один, дзё комо назвался.

– Кто такой?

– Тоже вроде домового, только нанайский. Они чего-то от меня хотели. Какой-то помощи. Но услышали шум твоей машины и убежали в тайгу. И все. Я ничего и не понял.

Игорь неторопливо распаковывал рюкзак.

– Подвеска тоже имеет к ним отношение?

Лебедев кивнул и несмело спросил:

– Ты мне веришь?

Игорь протер стол комком газеты и начал выкладывать из рюкзака свертки и консервные банки.

– Ну что же, – покладисто сказал он, – всякое в жизни

бывает.

Лебедев ушам не поверил: «Уж не считает ли он меня за психа, которому опасно противоречить?!»

– Всякое бывает, – повторил Игорь, – особенно здесь.

– Почему? – насторожился Николай.

– Потому что... потому что... – Игорь замялся. – Потому, что обстановка здесь таинственная. Что, не так? Тайга, тишина, заброшенная деревня... Подходящая декорация хоть для детектива, хоть для всякой фантастики. Ну, иди к столу, Николаша. – Игорю явно не хотелось продолжать разговор. – Тут на десятерых хватит. Ты употребляешь? – Он вынул фляжку. Коньяк. Но я не беру в рот. На всякий случай вожу с собой. И для гостей. А так – здоровье дороже. И ре-номе. Раньше, было дело, умел принять. А теперь – погореть на этом не желаю. Так будешь? Нет? Ну и умница. Ты молодой, холостой, тебе о генетике думать надо. А поесть – поешь, и спать, – быстро говорил он. – Устал я сегодня. Устал. Да садись ты за стол!

Николай молча подчинился. Смеркалось. Словно не день прошел, а час...

* * *

Проснулся Лебедев оттого, что ему стало душно. Он слабо отмахнулся и открыл глаза.

Белая, круглая, холодная луна липла к мутному стеклу.

Бледные, словно дымящиеся, полосы лежали на полу и на стенах.

На грудь навалилось что-то мягкое и теплое. Это была толстая кошка. Ее серая шерсть в лунном свете сверкала, словно каждая шерстинка была усыпана бриллиантовой пылью.

– Брысь! – шепнул Николай спросонок. – Брысь-ка!

– Мэргенушко, батюшко! – отозвался слабый старческий голосок. – Вся надёжа на тебя. Оборони, заступись!

Лебедев резко сел. Кошка скатилась с его груди на колени, но он брезгливо дернулся, и она мягко упала на пол. Николай пнул было ее, но она увернулась, отскочила в угол, сливаясь с темнотой, и теперь только два желто-зеленых огонька выдавали ее присутствие.

– Какого черта! – Лебедев сам не ожидал, что может так яростно, воистину по-кошачьи шипеть. – Что вам от меня надо? Зачем вы меня сюда притащили? Чушь, чепуха! Брысь!

Огоньки погасли. Резко запахло сеном, и Николай, вспомнив, чему предшествовал этот запах в прошлый раз, подхватил тапочек и швырнул его в угол.

Зашипело, жалобно мяукнуло, легкий вихрь пронесся к двери, раздался скрип... Неяркая, низко стоящая звезда на миг заглянула в избушку, и дверь снова затворилась.

Сердце Лебедева колотилось от ярости, испуга, почему-то вдруг возникшей жалости... Нет!

– Нечисть! – зло сказал он, успокаиваясь от звука своего

ГОЛОСА.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.